

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Обоснование и критика морального натурализма в современной метаэтике

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студента 4 курса 411 группы
направления 47.04.01 Философия
философского факультета
Толкунова Степана Алексеевича

Научный руководитель
профессор кафедры теоретической
и социальной философии
доктор философских наук, доцент

М.А. Богатов

Заведующий кафедрой
теоретической и социальной философии
доктор философских наук, профессор

С.А. Данилов

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Моральный натурализм представляет собой одну из наиболее влиятельных и теоретически разработанных программ в современной метаэтике — наряду с нон-натурализмом (представленным, например, интуиционизмом Дж. Э. Мура или современным нон-натуралистическим реализмом), конструктивизмом (в версиях Дж. Ролза и К. Корсгаард), экспрессивизмом (С. Блэкберн, А. Гиббард) и теорией ошибки (Дж. Л. Макки). Согласно масштабному социологическому опросу Д. Бурже и Д. Чалмерса (2020), в котором приняли участие 7685 философов из различных стран, 28,1% профессиональных философов однозначно придерживаются позиции натуралистического реализма в метаэтике. Это наглядно демонстрирует, что моральный натурализм остаётся одной из ведущих метаэтических позиций в современной аналитической философии.

Особый исследовательский интерес в рамках данного широкого направления представляет неоаристотелианский натурализм — оригинальная и философски самобытная разновидность морального натурализма, теоретический статус которой как подлинно натуралистической теории активно обсуждается в современной аналитической философии. В частности, поднимаются вопросы о том, корректно ли вообще относить этот подход к натурализму в строгом смысле слова, и насколько он совместим с современной эволюционной биологией. Р. Хёрстхаус, одна из ведущих представительниц неоаристотелианской традиции, прямо указывает в статье для Международной энциклопедии этики, что данный подход систематически подвергается критике именно по этим двум взаимосвязанным основаниям. Актуальность исследования обусловлена также необходимостью систематического прояснения ключевых концепций и категорий неоаристотеликов в контексте современных широких философских дискуссий о природе, возможностях и границах натурализма в философии, о сложных взаимоотношениях между философией и естественными науками в современную эпоху, о теоретической возможности нередукционистских форм натурализма. В отечественной философии систематическое исследование неоаристотелианского

натурализма отсутствует, что дополнительно обосновывает актуальность настоящей работы.

Степень научной разработанности темы. Общая проблема натурализма в философии активно разрабатывается в работах Дэвида Папино, Джегвона Кима, Грэма Оппи, Джона Дюпре, Джина Уитмера, Келли Кларка и других. Данные авторы предлагают различные подходы к определению натурализма, выделяют его метафизические и методологические компоненты, обсуждают отношение натурализма к естественным наукам.

Дэвид Папино в своей статье для Стэнфордской философской энциклопедии предлагает исторический подход к пониманию натурализма, прослеживая развитие натуралистических идей на протяжении XX века. Джегвон Ким разрабатывает важное различие между «имперским» натурализмом и более умеренным аккомодационистским натурализмом.

Грэм Оппи в монографии «Натурализм и религия» предлагает понимание натурализма через концепцию «общих картин» и обсуждает различные стратегии определения естественного. Джон Дюпре защищает плюралистическую версию натурализма, совместимую с антиредукционизмом в биологии. Джин Уитмер предлагает интерпретацию натурализма как тезиса «ничего особенного», согласно которому человек и феномены человеческого интереса не обладают особым онтологическим статусом.

Специфика морального натурализма детально анализируется в трудах Фрэнка Джексона, Ричарда Бойда, Питера Рейлтона, Джорджа Эдварда Мура. Эти исследователи разработали различные версии морального натурализма, включая аналитический и объяснительный натурализм.

Неоаристотелианское направление представлено работами Питера Гича, Элизабет Энском, Филиппы Фут, Розалинд Хёрстхаус, Майкла Томпсона, Джона Макдауэлла. Эти авторы разработали концепцию естественной нормативности, теорию аристотелевских категориальных утверждений, учение о добродетелях.

Цель и задачи исследования. Цель работы состоит в комплексном анализе неоаристотелианского натурализма в метаэтике и оценке его теоретической состоятельности как формы натурализма. Задачи исследования:

1. Определить основные характеристики философского натурализма, его метафизические и методологические компоненты, выявить различные стратегии определения естественного
2. Проанализировать специфику морального натурализма в контексте метаэтических дискуссий и выделить его основные разновидности;
3. Исследовать теоретические основания неоаристотелианского натурализма, включая концепцию естественной нормативности, теорию аристотелевских категориальных утверждений и учение о добродетелях;
4. Рассмотреть основные аргументы в пользу и против неоаристотелианского подхода, в том числе вопросы его совместимости с современной эволюционной биологией;
5. Оценить статус неоаристотелианского натурализма как формы натурализма и определить возможные стратегии его защиты или переосмысления.

Объект исследования: моральный натурализм как метаэтическая программа в современной аналитической философии. Моральный натурализм представляет собой широкое направление в метаэтике, объединяющее различные подходы, которые стремятся объяснить моральные феномены исключительно естественными средствами.

Предмет исследования: неоаристотелианский натурализм как разновидность морального натурализма, его теоретические основания, метаэтический статус и критика с позиций современной философии биологии.

Методологическая база исследования. В работе используется комплекс методов, характерных для современной аналитической философии:

1. Концептуальный анализ – для прояснения ключевых понятий натурализма, естественного, функции, видовой сущности, добродетели.

Концептуальный анализ предполагает экспликацию содержания понятий, выявление их логических связей, анализ условий их применимости.

2. Сравнительный метод – для выявления сходств и различий между различными формами морального натурализма и между неоаристотелианским подходом и современной биологией.

3. Реконструктивный метод – для систематизации аргументов сторонников и критиков неоаристотелианского натурализма. Реконструктивный метод предполагает восстановление логической структуры аргументации, выявление явных и скрытых предпосылок.

4. Дедукция.

Научная новизна исследования:

1. Предпринимается попытка систематического анализа неоаристотелианского натурализма как особой формы морального натурализма с учетом как его теоретических оснований, так и основных направлений критики.

2. Проведен комплексный анализ различных стратегий определения натурализма и их применимости к неоаристотелианскому подходу. Показано, что в зависимости от выбранной стратегии неоаристотелианский подход может либо включаться, либо исключаться из класса натуралистических теорий.

3. Выявлены теоретические предпосылки неоаристотелианского натурализма, восходящие к работам Гича и Энском, и показана их связь с концепцией естественной нормативности.

4. Проанализирована проблема совместимости неоаристотелианского натурализма с современной эволюционной биологией через призму этиологической теории функций и нового биологического эссенциализма.

5. Показано, что неоаристотелианский натурализм сознательно дистанцируется от современной биологии, основываясь на различении «первой» и «второй» природы человека.

6. Предложена типология возможных стратегий защиты неоаристотелианского натурализма, включая либеральный натурализм и интеграцию с теорией двойной наследственности.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В настоящем исследовании проводится комплексный анализ неаристотелианского натурализма – одной из наиболее оригинальных и философски интересных разновидностей морального натурализма в современной метаэтике. Исследуются теоретические основания этого подхода, его связь с более широкой традицией философского натурализма, а также основные линии критики, в особенности касающиеся его совместимости с современной эволюционной биологией и его статуса как подлинно натуралистической теории.

В первой главе «Натурализм как философский подход» рассматриваются общие характеристики философского натурализма, различные стратегии его определения, а также специфика морального натурализма в метаэтике с выделением его основных разновидностей.

В § 1 «Определение натурализма» анализируется отсутствие консенсуса в современной аналитической философии относительно точного определения натурализма. Вводится ключевое разграничение между метафизическим натурализмом (тезис о природе реальности: существует только естественный мир) и методологическим натурализмом (тезис о способе исследования: философия должна следовать методам естественных наук). Рассматриваются основные подходы к определению «естественного»: признание различия естественного/неестественного примитивным, апелляция к науке (современной, будущей или идеальной) как арбитру, а также негативная стратегия («антисверхъестественность»). Анализируются предложения Грэма Оппи (натурализм как «общая картина», включающая ответы на большие философские вопросы), Джона Дюпре (натурализм как негативный тезис, отрицающий сверхъестественное на апостериорных основаниях), Джегвона Кима (различение «имперского» и аккомодационистского натурализма) и Джин Уитмер (натурализм как тезис «ничего особенного», согласно которому феномены человеческого интереса фундаментально не отличаются от иных феноменов). Показано, что методологический натурализм может быть двух видов: «внутренний» (как априорная предпосылка науки) и «предварительный» (как стратегия, доказавшая

свою эффективность). Критически оцениваются аргументы в пользу предварительного методологического натурализма, выявляется проблема изменчивости понятия «естественного», которая тривиализирует индуктивные аргументы в его пользу.

В § 2 «Моральный натурализм в метаэтике» проводится анализ специфики морального натурализма как попытки объяснить моральные феномены исключительно природными средствами, без обращения к сверхъестественному. Выделяются три основные формы морального натурализма. Аналитический натурализм, восходящий к критике Дж. Э. Муром «натуралистической ошибки», стремится к редукции моральных свойств к неморальным естественным свойствам через концептуальный анализ или отождествление значений. Показано, что критика Мура, однако, сама подвергается сомнению в рамках неоаристотелианского подхода. Объяснительный натурализм (Ричард Бойд, Питер Рейлтон) не стремится к концептуальной редукции, но объясняет моральные свойства как естественные виды – например, как «кластеры гомеостатических свойств» или через понятие нередуктивного благополучия. Неоаристотелианский натурализм занимает особое место: он не рассматривает деонтические категории (долг, обязанность) как центральные для этики, но выводит нормативность из общей структуры, характеризующей все живые существа. Центральный вопрос – как обращение к человеческой природе может служить нормативному обоснованию морали, не совершая «натуралистической ошибки». Показано, что неоаристотелианский подход принципиально сложнее прямолинейного выведения норм из фактов, поскольку телеологический эссенциализм стирает жёсткое разграничение между дескриптивным и нормативным.

Вторая глава «Неоаристотелианский натурализм как форма морального натурализма» посвящена детальному анализу теоретических истоков, ключевых концепций и механизмов применения этого подхода к человеку.

В § 1 «Истоки неоаристотелианского подхода» выявляются метаэтические корни традиции, восходящие к работам Питера Гича и Элизабет Энском. Гич стремился защитить когнитивистский взгляд на моральные суждения, избегая как

нонкогнитивизма, так и муровского постулирования неестественных свойств. Его ключевой вклад – теория атрибутивных прилагательных: «хороший» является атрибутивным, а не предикативным термином, то есть его значение существенно зависит от существительного, к которому он применяется (хороший нож ≠ хороший человек). Это подрывает муровский поиск единого свойства благости. Филиппа Фут развила эту идею, введя различие между «вторичной благостью» (применимой к артефактам, определяется внешними интересами) и «первичной» или «внутренней благостью» (применимой к живым существам, определяется их собственной видовой принадлежностью). Майкл Томпсон предложил логическую форму экспликации этой внутренней благости через «аристотелевские категориальные утверждения» – естественно-исторические описания жизненной формы вида (например, «у кошек четыре лапы»). Эти утверждения не являются статистическими обобщениями; они фиксируют видовую норму, отклонение от которой делает индивидуальный организм дефектным экземпляром. Элизабет Энском дополнила эту картину понятием «аристотелевских необходимостей» – того, что объективно необходимо членам вида для выживания, развития и процветания.

В § 2 «Концепция естественной нормативности» кратко характеризуется теоретическое ядро неоаристотелианского натурализма. Эта концепция призвана объяснить, как оценочные суждения о живых существах могут быть одновременно объективными, нормативными и натуралистическими. Нормативность возникает из самого факта принадлежности к определённой жизненной форме: индивидуальный организм оценивается как хороший или плохой экземпляр своего вида в зависимости от того, насколько он реализует характеристики, зафиксированные в аристотелевских категориальных утверждениях. Эта структура применима ко всем живым существам – от растений до человека. Однако применение к человеку сталкивается с особыми трудностями, связанными с наличием у него практического разума и способности к рефлексии.

В § 3 «Применение естественной нормативности к человеку» подробно анализируется, каким образом общая концепция естественной нормативности

может быть адаптирована к уникальному случаю человека – существа, обладающего практическим разумом, рефлексией и способностью ставить под вопрос любые нормы. Показано, что неоаристотелики не выводят моральные оценки напрямую из биологических фактов, но используют человеческую природу как отправную точку для выделения добродетелей. Наиболее систематическая модель предложена Розалинд Хёрстхаус: добродетель – это диспозиция, которая служит достижению четырёх фундаментальных целей, выведенных из человеческой формы жизни: индивидуальное выживание, продолжение рода, свобода от боли и удовольствие, хорошее функционирование социальной группы. Обсуждается вопрос о переходе от аристотельских категорий (добродетели, пороки) к деонтическим (правильное, неправильное, долг). Анализируется позиция Энском, которая в статье «Современная моральная философия» утверждает, что понятия морального долга и обязанности являются пережитками божественно-законнической концепции этики и должны быть отброшены. Рассматривается, как неоаристотелики отвечают на «практическое требование Юма» (моральные нормы должны быть практичными, давать основания для действия и мотивировать). Филиппа Фут утверждает, что практическая рациональность сама по себе уже конститутивно связана с моральностью: «не существует критерия практической рациональности, который не был бы производным от благости воли». Признание моральной нормы уже даёт веское практическое основание для действия, хотя Фут не утверждает, что моральные основания всегда перевешивают иные (благоразумие, эстетика) и что мотивация гарантирована в каждом случае (возможны акразия и аморализм).

В третьей главе «Критика неоаристотелианского натурализма» рассматриваются два основных направления критики: совместимость с современной эволюционной биологией и статус неоаристотелизма как формы натурализма.

В § 1 «Биологический натурализм и современная эволюционная биология» анализируется вопрос о том, могут ли спорные допущения неоаристотелианского натурализма (биологический эссенциализм и телеология) быть обоснованы в

рамках современной науки. Рассматривается этиологическая теория функций (Ларри Райт, Рут Милликан, Карен Ньюандер), согласно которой биологическая функция – это отобранный эффект: признак имеет функцию делать то, что способствовало приспособленности предков и за что этот признак был закреплён естественным отбором. Эта теория даёт натурализованное, дарвиновское объяснение телеологии, не апеллируя к сознательному замыслу. Далее рассматривается «новый биологический эссенциализм» (Ричард Бойд, Майкл Девитт, Денис Уолш), который отвергает традиционное аристотелевское понимание видов как вечных и неизменных, но предлагает понимание вида через «кластеры гомеостатических свойств» – взаимоподдерживающиеся свойства и каузальные механизмы, стабилизирующие их. Такой эссенциализм совместим с эволюцией, поскольку сущность вида может быть исторической. Делается вывод, что ключевые элементы аристотелевской биологии (телеология и эссенциализм) могут быть переинтерпретированы в терминах современной биологии, что открывает возможность для совместимости неоаристотелианского натурализма с эволюционной теорией.

В § 2 «Проблема статуса неоаристотелизма как формы натурализма» демонстрируется, что, несмотря на потенциальную совместимость, сами представители неоаристотелианского натурализма сознательно дистанцируются от биологического обоснования этики. Они принимают интерналистскую перспективу, то есть рассматривают человеческую жизнь как уже изначально этически структурированную, а не как объект внешнего научного изучения. Анализируется введённое Джоном Макдауэллом различие между «первой природой» (биологической, принадлежащей «царству закона») и «второй природой» (культурной, принадлежащей «логическому пространству оснований»). Моральная нормативность полностью относится ко второй природе и не нуждается в опоре на эмпирические факты о первой природе. Показывается, что это различие воспроизводит традиционную дихотомию «природа-культура» и основано на трёх искажённых представлениях о биологии: (1) биология якобы не даёт релевантной информации о культурной сфере; (2) биология рассматривается как

детерминистская, подобно классической физике; (3) биология понимается как фундаменталистская редукционистская теория. Делается вывод, что неоаристотелианский натурализм является «натурализмом» преимущественно в негативном смысле (отказ от сверхъестественного), но не в позитивном смысле (опора на естественные науки). Это ставит под вопрос его принадлежность к натуралистическим программам в стандартном понимании.

Заключение

В настоящем исследовании был проведен комплексный критический анализ неоаристотелианского натурализма как особой и философски оригинальной формы морального натурализма в современной метаэтике. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, натурализм как широкий философский подход характеризуется существенной множественностью интерпретаций и отсутствием единого общепринятого определения, что само по себе является философски значимым фактом. Основное концептуальное разграничение проходит между метафизическим натурализмом и методологическим натурализмом. Ключевой проблемой для любой версии метафизического натурализма остается фундаментальная задача определения понятия «естественного», проблема демаркации естественного от неестественного.

Во-вторых, моральный натурализм в метаэтике представляет собой семейство различных попыток объяснить моральные феномены исключительно естественными средствами. Можно выделить три основные формы морального натурализма: аналитический натурализм, объяснительный натурализм и неоаристотелианский натурализм. Неоаристотелианский натурализм занимает особое, уникальное место в этой классификации.

В-третьих, неоаристотелианский натурализм потенциально совместим с современной эволюционной биологией через такие философские разработки, как этиологическая теория функций и новый биологический эссенциализм. Однако представители неоаристотелианского натурализма сознательно и принципиально отказываются от такого согласования с современной биологией.

В-четвертых, различие «первой» (биологической) и «второй» (культурной) природы человека, введенное Макдауэллом, воспроизводит традиционную дихотомию «природа-культура» и серьезно подрывает натуралистический статус данного подхода. Это различие основано на устаревших и искаженных представлениях о современной биологии.

В-пятых, неоаристотелианский натурализм является «натурализмом» преимущественно в негативном смысле (отказ от сверхъестественного), но не в позитивном смысле (опора на естественные науки). Это делает спорным и проблематичным его отнесение к натуралистическим программам в стандартном понимании.

Таким образом, неоаристотелианский натурализм представляет собой теоретически богатую, философски оригинальную, но метаэтически проблематичную форму морального натурализма.